

Юлиан Отступник и его «Письмо к общине иудеев»*

Р.В. Светлов

Мы предлагаем новый перевод на русский язык «Письма к общине иудеев» Юлиана Отступника и его анализ в следующих аспектах. 1. Соответствие содержания письма религиозной политике Юлиана, в том числе политике по отношению к иудейской общине. 2. Соответствие содержания письма имеющейся информации о проекте Юлиана по восстановлению иерусалимского Храма и Иерусалима как иудейского города. 3. Особенности стилистики письма и форм обращения к руководству общины иудеев. 4. Формы публичной коммуникации между властью и подданными в эпоху Юлиана. В результате рассмотрения мы предполагаем, что письмо является не подделкой, но свидетельством о важном повороте внутриимперской религиозной политики Юлиана. Этот поворот, однако, был настолько же смелым и решительным, насколько и кратким.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Юлиан Отступник, эпистолярное наследие Юлиана, религиозная политика Римской империи.

СВЕТЛОВ Роман Викторович – доктор философских наук, профессор Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

spatha@mail.ru

Статья поступила в редакцию 1 октября 2016 г.

Цитирование: *Светлов Р. В.* Юлиан Отступник и его «Письмо к общине иудеев» // *Вопросы философии. 2017. № 3. С. 131–139.*

Письмо Юлиана общине иудеев (204-е по изданию Биде и Кюмона, впрочем, отнесенное ими к числу “сомнительных”) является исключительным документом с точки зрения наших знаний о практике отношений римских имперских властей к иудеям. Примеры милосердия (*clementia*) как государственного принципа, подразумевавшего сознательное воздержание от избыточного применения силы по отношению к общине иудеев, довольно редки, а уж попытка Юлиана Отступника протянуть руку дружбы, или по крайней мере публично заявить о сближении, является исключением.

Приведем текст этого письма в нашем переводе, чтобы попытаться разобраться, насколько оно соответствовало в целом религиозному мировоззрению и религиозной политике Юлиана.

Письмо к общине иудеев

Несомненно, что до сего времени наиболее изнуряющей частью наложенного на вас ярма рабства было постановление, о котором не объявляли, но по которому вы должны были выплачивать несказанное количество золота в государственную казну. Множество подобных глумлений над вами я и сам видел, про другие же узнал из записей, которые были подготовлены по вашему поводу. Что касается меня, то я отменил налог, который был наложен на вас и таким образом остановил

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-00062); Санкт-Петербургский государственный университет.

нечестивую попытку злословия. Я собственными руками предал огню те записи, которые обнаружил в своем хранилище для документов, чтобы более никто не смог бы направить жало этого нечестия против вас. Настоящей причиной всех этих постановлений был не мой приснопамятный брат Констанций, но скорее те, кто стоял у него, имея помыслы варварские, а души безбожные. Этих я собственными руками погубил, бросив их в темницу, так, чтобы даже памяти об их падении не оставалось среди нас. И поскольку я желаю, чтобы ваше благоденствие было еще большим, я увещеваю моего брата Юлиа, почетнейшего патриарха, чтобы сбор подати (ἀλοτολί), которая, говорят, существует у вас, был прекращен, и чтобы никто больше не имел возможности налагать на ваш народ несправедливые налоги, и потому повсюду, где действует моя власть, вы можете оставить свои заботы. А потому, наслаждаясь миром, вы сможете обратить еще больше усердных молитв за мое царствование к всемогущему Богу-Создателю (δῆμιουργῶ θεῶν), который почтил меня тем, что увенчал короной своею незапятнанной десницей. Ведь это заложено в природе: если люди погружены в заботы, то и разумы их скованы, и они не имеют стремления молитвенно возносить руки. Те же, кто всецело свободен от забот, могут возрадоваться всей душой и возносить молитвы о здравии государя к Всевышнему, к Тому, кто способен дела моего царствования привести к прекрасным итогам, которые и были для него избраны изначально. И вам следует это делать, дабы, после того как будет успешно завершена война с Персией, я приложил усилия, чтобы восстановить и наполнить людьми святой град Иерусалим, каковой вы столь долго желали видеть населенным, и чтобы мы с вами в нем восславили бы Вседержителя.

По поводу авторства этого письма очень часто высказывались сомнения: слишком многое настораживало исследователей. Да и сам эпистолярный корпус Юлиана выглядит рыхлым и наполненным сомнительными текстами. Вот что пишет на эту тему Д.Е. Фурман, один из виднейших отечественных знатоков творчества Юлиана (переведший на русский язык именно письма императора):

Юлиан сам к изданию свои письма не готовил, как это делал Либаний, который аккуратно собирал всю свою переписку. Но и при жизни и после смерти Юлиана его письма ходили по рукам и как предмет гордости адресатов Юлиана, и как исторические памятники, и как образцы хорошего стиля. Их собирали вместе и переписывали. О таких сборниках нам известно из Аммиана Марцеллина (XVI, 8, 7), их имели в руках церковные историки Сократ и Созомен. Сборники эти были совершенно беспорядочны, хронология не соблюдалась, и постепенно в них стали попадать письма других авторов, которые случайно по тем или иным причинам принимали за письма Юлиана, а также сознательные подделки. В одном из таких подложных писем Юлиан угрожает всяческими карами Василию Кесарийскому и вообще христианам, а тот смело и открыто отвечает “гонителю”, в другом — дарует и обещает всякие милости иудеям и даже называет Тивериадского патриарха Юла “братом” и т.д. [Фурман 1970, 235]

Упоминание “Тивериадского патриарха” имеет прямое отношение к письму, которое мы привели выше. Чтобы разобраться с авторством послания к общине иудеев, начнем с рассмотрения того, как представлено отношение императора к иудеям и иудаизму в других его текстах. Упоминания об иудеях несколько раз встречаются в других письмах Юлиана, они же являются важным предметом обсуждения в его антихристианской полемике: в трактате “Против галилеян”, фрагменты которого дошли до нас благодаря апологии Кирилла Александрийского “против Юлиана”. В последней император неоднократно критически высказывается по поводу иудаизма, выдвигая аргументы против иудейского монотеизма, доктрины творения, исключительности законодательства Моисея, и этнической богоизбранности. Трактат “Против христиан”, вероятно, писался в то время, когда Юлиан готовил поход против персов, зимой 362–363 гг., в Антиохии. Но тогда получается, что именно в то же самое время Юлиан принял решение о восстановлении иерусалимского Храма (речь об этом пойдет ниже) и даже написал “Письмо к общине иудеев”!

Впрочем, уже давно ученые признали, что в этих противоречивых на первый взгляд действиях нет никакого парадокса [Adler 1893, Leipold 1964]. Для Юлиана иудаизм был примером и аргументом в его споре с христианством, которое отринulo языческий политеизм и откrestилось от своего “прародителя” иудаизма. Именно по этой причине роль иудаизма в полемике Апостата с “галилеянами” столь существенна. С точки зрения Юлиана религия Моисея родственна язычеству почти во всем, за исключением отказа признавать существование иных богов кроме Яхве. Принципиальная и упрямая уверенность в собственной исключительности, помноженная на “нечестивость, проистекающую от легкомыслия”, превратила иудеев в аутсайдеров — в культурной, военной и политической сферах. Впрочем, император обвиняет и своих языческих соплеменников в дурном образе жизни, вызванном леностью и пошлостью; именно эти эллинские свойства заимствовали христиане.

Согласно Юлиану перечисленные негативные черты не являются “родовыми характеристиками” евреев и эллинов. Он сравнивает этнические недостатки с демонами-керами, которые сопутствуют каким-то народам не по их внутренней природе, а из-за неких внешних причин. (Cyril Alex. Contra Iulian. II.9). Ниже Юлиан будет утверждать, что каждый народ обладает собственной “физиономией”. Так, германцы непокорны, сирийцы и персы, наоборот, смиренны, и это вызвано характером “племенных богов”: тех божественных пастухов, которые, согласно неоплатонической доктрине, “приставлены” к нам высшим началом.

Отсюда можно сделать вывод, что и позитивные черты (стремление к святости, чистоте), и негативные (отторжение других божеств, претензия на исключительность) воспитывает в иудеях Яхве. Однако это не столько борьба с иными божествами — равными ему и высшими — сколько некий штрих в общей “характерологической” и “этнической” картине мироздания, которая от этого становится более полной и целостной.

Конечно же Юлиан был знаком с иудаизмом куда лучше, чем римские императоры, правившие до Константина Великого. Он прекрасно знал Ветхий Завет, как и его толкования, созданные христианскими экзегетами. И это обязательно нужно иметь в виду, когда мы оцениваем его взгляды: он судит не извне традиции, но во многом изнутри нее.

Давайте посмотрим, что говорит об иудеях император в письмах, которые однозначно трактуются как подлинные. Отметим, что здесь присутствует то же критическое отношение к ним, что и в трактате “Против христиан”: Юлиан оценивает иудеев ниже, чем “классических” язычников, почитающих Гомера, Пифагора и Платона, но однозначно выше христиан.

Вот его негативные суждения в “Письме к Александрийцам” (перевод Д.Е. Фурмана):

Клянусь богами, мне очень стыдно, мужи-александрийцы, когда кто-либо из общества александрийцев заявляет, что он галилеянин. Предки настоящих евреев в древности были в рабстве у египтян, а теперь вы, мужи-александрийцы, покорив египтян (ведь был же вашим основателем покорен Египет), сами, поправ священные заветы, добровольно обратились в рабство к тем, кто презрел учение предков [Юлиан 1970, 245].

Христиане — потомки евреев, причем отступившие от них. Александрийцы же — потомки эллинов, которые при Александре покорили египтян. В таком случае признание себя христианином, с точки зрения Юлиана, делает человека отступником трижды (от эллинов, победивших египтян, от египтян, на земле которых они живут, которые были господами иудеев, живущих также в Египте, наконец, — от иудеев, от которых отступились христиане).

В “Письме к жрецу” Юлиан патетически призывает своего адресата не доверять тем, кто разрушает веру в Провидение (конечно же в языческом понимании этого понятия). Отвечая на собственный вопрос — “Что скажут упрекающие нас в этом

иудейские пророки о своем собственном храме, трижды разрушенном и до сих пор не восстановленном?” — Юлиан пишет:

Я думаю, что если пророки и толкователи какого-либо бога были негодными, это не мешает ему быть великим богом. Причиной же этого было то, что они не дали своим душам очиститься общим образованием и не открыли своих сильно сомкнутых глаз и не разогнали окружающую их мглу. Но эти люди видели великий свет, словно через туман, не четко и не ясно, и считали это не чистым светом, а огнем, и не будучи в состоянии различить все то, что вокруг него, они кричали громким голосом: “Трепещите! Страшиться! Огонь! Пламя! Смерть! Кинжал! Меч!”, выражая столь многими словами разрушающую силу огня [Юлиан 1970, 236].

Несмотря на критический заряд, Юлиан однозначно демонстрирует, что отношение к иудеям у него все равно лучше, чем к христианам. Вот фрагмент из “Письма Феоодору — главному жрецу”:

Ибо я видел, что те, кто предан учению (иудейской религии. — *Р.С.*)... столь пламенны в своей вере, что предпочтут умереть, чем отречься от нее, переносить всяческую нужду и голод, чем попробовать свинину или мясо удушенного или удушенного животного, а мы столь равнодушны к постановлениям, относящимся к почитанию богов, что привели в забвение отцовские обычаи, так что, наконец, даже забыли, было ли вообще когда-либо что-нибудь в этом роде постановлено. А они в своем роде весьма благочестивы, ибо почитают... [Бога], который воистину всемогущ и благ и управляет чувственным миром, которому, как я прекрасно знаю, и мы поклоняемся, но под другими именами; по моему мнению, они поступают очень правильно, не преступая законов, и лишь в одном погрешают: в том, что, всеми силами стараясь угодить этому богу, они не почитают и других богов, но думают, что эти боги даны в удел лишь нам, “язычникам” [Юлиан 1970, 229].

И хотя тут же Юлиан попрекает иудеев за их высокомерие (вызванное отказом угождать “чужим” богам), он подчеркивает, что они куда ближе к язычеству, чем к христианству.

Упомянем и следующую — гипотетическую — причину добрых слов в отношении иудейских общин. Иудаизм, который знал Юлиан, — это иудаизм диаспоры, склонный к традиционализму и сохранению “отеческих обычаев”. С этой точки зрения сохранение иудеями их специфического благочестия могло вызывать у Юлиана ассоциации с состоянием дел в языческих философских кружках, которые сами постепенно начинали приобретать характер религиозно-философской диаспоры, что видно на примере Пергамской школы и что прекрасно показано в “Жизни софистов” Евнапия. Общая судьба в условиях наступления христианства могла стать для Юлиана аргументом в пользу попытки сплочения язычества и иудаизма.

Таким образом, общее отношение Юлиана к иудаизму не исключает возможность написания подобного письма. Обращение к общине иудеев, конечно, не содержит критических стрел, которые Юлиан выпускает против них в других текстах. Однако Юлиан не только философ и религиозный деятель. Он еще и политик. И пишет именно то, что должны услышать или прочесть его конкретные адресаты.

Другим свидетельством в пользу аутентичности данного письма является история с попыткой восстановления Иерусалимского Храма. Решение Юлиана позволить иудеям воссоздать Храм вполне вписывается в его религиозную политику — восстановление религиозной “исторической справедливости”. Очевидно, что оно должно было вызвать конфликт: ведь Иерусалим уже не являлся той Элией Капитолиной, в которую его превратил император Адриан после войны Бар-Кохбы. Константин Великий вернул городу историческое наименование и Иерусалим был вполне “освоен” христианской Церковью — там имелись храмы, причем наиболее почитаемые христианами, там же пребывал один из самых влиятельных христианских патриархов. Отметим, что несмотря на Миланский эдикт, который должен был бы даровать иудейским общинам определенные послабления, христианские императоры в целом сохранили систему законов, направленных на ограничение прав и свобод иудеев [Grayzel 1986].

Тем не менее вопреки законодательной политике как языческих, так и христианских императоров, Юлиан решил восстановить Храм. Отметим как любопытную деталь, что в современной науке обсуждается вопрос, не восстанавливался ли при Юлиане и Парфенон, который пострадал во время нашествия герулов в 267 г. Очевидно, что помимо внутривластных и религиозных интересов Юлиана стимулы для такого решения лежали также во внешнеполитической сфере. Собираясь совершить персидский поход, который готовил еще его предшественник Констанций, Юлиан мог помнить о печальном опыте парфянской войны Траяна (115–116 гг.). Тогда римским войскам оказали решительное сопротивление евреи, проживавшее в Нисибисе и Эдессе, а вслед за этим началось восстание в Палестине и в общинах диаспоры (особенно в Ливии, Египте и на Кипре). Демонстративные и заблаговременные шаги Юлиана обеспечивали римской армии лояльность иудеев и в Империи, и на территории будущих военных действий.

Парадоксально, но в еврейской литературе времен Юлиана такие свидетельства можно обнаружить с большим трудом. Так, давно отмечено, что ни в Вавилонском Талмуде, ни в других сочинениях близкой к событиям эпохи нет прямых указаний на это событие [Adler 1893].

Одной из причин такого молчания могло быть то, что иудеи (или какая-то их часть) отрицательно относились к восстановлению Храма правителем, не имевшим отношения к крови Давидовой. Так, в книге пророка Даниила утверждается: “И во время страдания своего будут иметь некоторую помощь, и многие присоединятся к ним, но притворно” (Дан. 11:34). Поэтому пророчество Иезекииля о Третьем Храме (Иез. 43:5–12) могло не связываться с Юлианом. Некий исторический прецедент, конечно, имелся: Второй Храм, храм Зоровавеля, начал возводиться по указу царя Кира, и при этом царство Давидово не воскресло (хотя по преданию в жилах Зоровавеля текла кровь Давидова, см.: Матф. 1:12). В будущем отдельные иудейские учителя также будут высказывать предположения, что Храм будет отстроен заново еще до явления Мессии (так полагал, например, Раши, живший в XI–XII вв.). Однако кратковременность правления Юлиана, его быстрая гибель в Персидском походе и, возможно, запоздалые попытки наладить сотрудничество между властью и иудейскими общинами привели к тому, что проект этот именно в иудейской среде достаточно рано забылся.

Впрочем, В. Бачер утверждал, что в относительно современной тем событиям еврейской литературе все-таки можно увидеть суждения постфактум о восстановлении Храма [Bacher 1897]. В частности, это касается свидетельства рабби Аха (одного из учителей-амораев, жившего в середине IV в.), который полагал, что Храм в один прекрасный день будет восстановлен — еще до реставрации царства дома Давидова. По мнению Бачера это суждение могло быть инспирировано реалиями времени жизни рабби Аха, в частности — проектом Юлиана. Однако данное высказывание, даже если принять его историчность, все равно является скорее исключением в близкой по времени еврейской литературе (в отличие от свидетельств о Персидском походе Юлиана). А созданная в начале VI в. в Сирии легенда о том, что один из иудейских священников назвал Юлиана “царем иудейским” и пророчествовал, будто при нем царство дома Давида станет процветать, — либо анахронизм [Bacher 1897, 169], либо же отголосок чьего-то частного мнения.

Возможно, свидетельством настроений, бытовавших в среде иудеев в те времена, является найденная в 1969 г. надпись на иврите на западной стене Храма под так называемой “Аркой Робинсона”: “И увидите это, и возрадуется сердце ваше, и кости ваши расцветут, как молодая зелень”. Однако судить, в какой конкретно момент здесь появилась эта цитата из пророка Исаяи (66:14), очень сложно.

Зато в римской исторической и церковной традиции IV–V вв. возникает вполне устойчивая тенденция трактовать попытку восстановления Храма не просто как прокламацию, но как реальное событие (за которым должны были последовать новые гонения на христиан и обращение иудеев в язычество), сорванное благодаря вмешательству сверхъестественных сил.

Следует отметить, что в христианстве пророчество Иезекииля порой связывалось (и связывается) со словами ап. Павла из Второго послания Фессалоникийцам: “Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога” (2 Фес. 2:3–4). Так полагал, например, Ипполит Римский, написавший в “Слове о Христе и Антихристе”: “Спаситель воздвиг и явил святую плоть Свою, подобно храму, и сей построит в Иерусалиме храм из камня” (De Christo et Antichristo, 6; впрочем, при толковании этого места под “храмом” понимали также и Христианскую Церковь в целом: см. In Danieleм Феодорита Кирскийого, толкование на стих 7.8). Если принять точку зрения Ипполита, то восстановление Храма Иерусалимского, да еще и императором-апостатом, является очевидным приближением времени Антихриста.

Важным свидетельством о проекте Юлиана являются слова Аммиана Марцеллина из 1 главы XXIII книги его “Римской истории” (пер. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни под ред. Л. Ю. Лукомского):

Но в то же время он умел выказать заботу обо всех сторонах жизни государства и, желая оставить для будущих веков память о своем правлении великими сооружениями, задумал восстановить славный некогда иерусалимский храм, не жалея для этого никаких расходов. Веспасиан, а затем Тит выдержали целый ряд кровавых битв, прежде чем удалось осадить это здание и взять его штурмом. Спешное исполнение этого предприятия Юлиан поручил антиохийцу Алипию, который был до того вице-префектом Британии. Алипий усердно принялся за дело; правитель провинции (Палестины. — *Р.С.*) оказывал ему содействие, но страшные клубы пламени, вырывавшиеся частыми вспышками близ фундамента, сделали это место недоступным для рабочих, так как их несколько раз обожгло. Так и прекратилось это начинание из-за упорного сопротивления стихии [Аммиан Марцеллин 2005, 295].

Аммиан относится к Юлиану вполне положительно, так что, рассказывая об инциденте с попыткой построить Храм, он явно не стремился показать, что это действие было ошибочным. Упоминание магистратов, назначенных ответственными за этот процесс, добавляет правдоподобие его рассказу. Поскольку Аммиан участвовал в Персидском походе Юлиана, он вполне мог достоверно знать о решениях, принятых императором перед началом военных действий. Впрочем, совершенно непонятно, когда случились те странные природные явления, что помешали начать строительство. И имели ли они место вообще?

Конечно, могло произойти землетрясение, которое иногда сопровождается ударами молний или разрядами статического электричества. Сам Аммиан Марцеллин, красочно описав землетрясение, разрушившее в 358 г. Никомедию, упоминает молнии и огонь, ставший причиной пожаров сразу после катаклизма (XVII. 7). Но он, конечно, не был свидетелем событий в Иерусалиме и пересказывает их с чужих слов. Вполне возможно речь идет о пожаре, вызванном неосторожностью, или же преднамеренном поджоге. Так или иначе, либо природа, либо человеческий фактор не позволили отстроить Храм — по крайней мере именно этим мог оправдывать перед императором свое промедление Алипий.

Христианские авторы были совершенно убеждены, что восстановить Иерусалимский Храм помешало сверхъестественное вмешательство, которое не позволило Юлиану опровергнуть новозаветные предсказания о судьбе Храма (см.: Матф. 24:2; Марк 13:2; Лук. 21:6). Один из самых близких по времени к этим событиям св. Григорий Назианзин во “Втором обличительном слове против Юлиана” дополняет данные Аммиана множеством подробностей. Св. Григорий утверждает, что Юлиан доказывал иудеям необходимость вернуться в Иерусалим, прибегая к “их писаниям и таинствам”. По словам св. Григория решение Юлиана вызвало такой энтузиазм среди евреев, что богатые женщины продавали все свои драгоценности, дабы собрать деньги на работы и сами принимали в них участие (что, правда, противоречит словам Аммиана

о желании Юлиана не жалеть для восстановления Храма никаких расходов, то есть совершить его за государственный счет). Оставляя в стороне все сверхъестественные подробности, отметим, что св. Григорий как бы снимает с римского государственного аппарата вину за попытку создания Храма – вопреки воле Небес. Это становится делом одного императора-отступника и спровоцированных им иудеев.

Схожую стратегию объяснения событий 363 г. в Иерусалиме изберут и церковные авторы, жившие в последующих столетиях: Сократ Схоластик (Socrat. Hist. Eccles. III. 20), Созомен Саламинский (См. Sozom. Hist. Eccles. V.22) и др. Но все они уверены, что иудеи приняли активное участие в попытке восстановления Храма, а уж насколько историки преувеличили размах событий, сейчас судить сложно. Однако в их полной осведомленности о решении Юлиана восстановить Храм сомневаться не приходится.

Теперь коснемся нескольких тем, связанных с частными вопросами, поднятыми в письме. Упоминание о расправе над теми, кто “столовался” у Констанция II, предшественника Юлиана на престоле, связано с “чисткой” среди приближенных императора, которую провел Юлиан после своего воцарения. Конечно, Юлиан осуществлял ее не собственными руками, а назначив специальные следственные комиссии (Marcell. XXII.3), однако его слова “этих я собственными руками погубил, бросив их в темницу, так, чтобы даже памяти об их падении не оставалось среди нас” имеют не буквальное, но метафорическое и риторическое значение: Юлиан принимает на себя функции эпического рока [Den Boer 1962, 192].

Патриарх “Юлий”, упоминаемый в письме – это Хилель II, которому в ту пору должно было исполниться около 70 лет. Обращение “брат Юлий” – подражание апостолам, особенно Павлу, который также отправлял свои послания “братьям во Христе”. Более того, поскольку Юлиан совершенно очевидно видел себя не только политическим лидером, но и носителем религиозного авторитета, он мог обратиться к главе потенциально союзной религии именно таким образом. Еще раз нужно подчеркнуть, что Юлиан знал христианство, в том числе Писание не со стороны. И библейский нарратив без сомнений оказал существенное воздействие на сам стиль и характер его сочинений. Исследователи даже подчеркивают это стремление “говорить на языке Библии” в данном тексте: в частности, отмечено, что обычно избегающий “хиатуса” (т.е. неблагозвучного “столкновения” нескольких гласных подряд), здесь он использует его восемь раз. Но в “Септуагинте” хиатус встречается достаточно часто, так что Юлиан мог вполне стилизовать свою речь под библейские писания и таким способом [Den Boer 1962, 190–191]. С этим же стилем связана и апелляция Юлиана к Вседержителю и Создателю (Демииургу) принципиально никак не противоречащая его собственной религии (где все эти термины имели свою, вполне определенную интерпретацию).

Может вызвать подозрение тот факт, что Юлиан призывает “брата” отказаться от подати *ἄλοστολή*, которую все еврейские общины вносили в пользу патриарха. Мы знаем, что много позже Феодосий II законодательно прекратит взимание этой подати. Но в последнем случае это станет одним из элементов антииудейской политики. Означают ли слова Юлиана, обращенные к Хилелю, что тот лишается сбора со стороны рядовых общинников, а все финансовые “бонусы” отныне будет получать Храм? Понятно, что иудейских патриархов это могло настроить на не слишком оптимистический лад. С другой стороны, Юлиан говорит о восстановлении Иерусалима (именно как иудейского города), что означает реставрацию традиционных норм религиозной жизни, в том числе способов содержания священства, а потому *ἄλοστολή* как экстраординарный налог будет уже ни к чему.

И еще одно соображение на ту же тему. Если бы создателями анализируемого письма были иудеи, показывавшие, что один из правителей хотел заключить с ними дружественное соглашение, то информация о запрете налога в пользу патриарха (если этот запрет мог вызвать в иудейской среде какое-то недовольство) в тексте вряд ли могла бы появиться. Если же его “истинными авторами” были христиане, стремившиеся еще более очернить образ Юлиана, то упоминание о прекращении “апостола” также было бы излишним – ведь то же самое делает Феодосий II.

Дополнительным аргументом в пользу подлинности данного письма может стать обсуждение того, какую роль и какую функцию послание к общине иудеев могло играть в риторической коммуникации императора и его подданных. В качестве вполне реальной параллели к нашей теме может стать “Мисопогон”, созданный Юлианом в Антиохии в тот же период, что и письмо к общине иудеев, и “Против галилеян”.

Если упоминание Иоанна Малалы о речи Юлиана по поводу насмешек антиохийцев, которую он выставил в “слоновьем тетрапилоне” за пределами своей резиденции в Антиохии (Malalas Chronogr. XIII. 19) относится именно к “Мисопогону” — то можно увидеть, как Юлиан устанавливал коммуникацию с подданными. “Мисопогон” — настолько ядовитая сатира на антиохийцев, что едва ли может быть расценена как иронический текст, приуроченный к новогодним празднествам, как полагала М. Глисон [Gleason 1986]. Написана эта речь была, скорее всего, незадолго до отъезда Юлиана из Антиохии на войну с персами (весной 363 г.), а способ публикации показывал, что император крайне сердит на граждан этого города, отказываясь вступать с ними в открытую публичную коммуникацию (мы знаем, что для правителей времен Поздней империи участие в такой публичной коммуникации было довольно естественным делом [MacCormack, 1981]). Этот ход был довольно сильным — ограничение на публичную коммуникацию с верховным правителем было серьезным аргументом в руках властей, чреватых политико-правовыми последствиями [Van Hoof, Van Nuffelen, 2011]. После победоносного возвращения из похода Юлиан вполне мог вернуться к “Антиохийскому вопросу”, а потому его смерть была воспринята в этом городе с нескрываемым облегчением.

Все это проливает некоторый свет и на предполагаемых адресатов “Письма к общине иудеев”. Последнее — не литературное упражнение и обращено не к элите иудейской общины. Оно представляет собой инструмент воздействия на массы еврейских общинников, и тогда по замыслу должно было стать известным достаточно широко (в том числе и среди иудеев, живших в Персии). Поэтому в нем присутствует и стилизация под текст “Септуагинты”, и “предложение, от которого невозможно отказаться” (восстановление Иерусалима, приостановка “апостола”), и упоминание Создателя, и общение с иудейской общиной на равных. Все это должно было развернуть иудеев к союзу с императором (хотя мы и не знаем, в отличие от случая с “Мисопогоном”, как это послание публиковалось).

Совокупность всех этих аргументов позволяет с определенной осторожностью предположить, что данное письмо является не подделкой, но свидетельством о важном повороте имперской религиозной политики Юлиана, который, вероятно, взволновал часть иудейских общин (и оставил определенный след в христианской истории), однако смерть Юлиана во время отступления из Персии вернула все на круги своя¹.

Источники – Primary Sources in Russian

- Аммиан Марцеллин 2005 – *Аммиан Марцеллин*. Римская история. М.: АСТ, 2005.
Юлиан 1970 – *Юлиан*. Письма // Вестник Древней Истории, 1970. № 3. С. 225–249.
Юлиан 2016 – Император Юлиан. Полное собрание творений. СПб: Quadrivium, 2016.

Ссылки – References in Russian

- Фурман 1970 – *Фурман Д. Е.* Предисловие к изданию Писем императора Юлиана // Вестник Древней Истории. 1970. № 1. С. 214–236.
Описания изданий на иностранных языках см. в разделе References.

* This research was carried out thanks to the funding of the Russian Science Foundation (project № 15–18–00062); Saint-Petersburg State University.

Julian the Apostate and his letter “To Jewish community”*

Roman V. Svetlov

Letter of Julian the Apostate to the community of Jews is usually treated as inauthentic. We propose a new translation of the text and the analysis in the following aspects. 1. Coordination of the letter and religious policy of Julian, including policy toward the Jewish community. 2. Correspondences of the letter to the information available about the project of Julian the Apostate to rebuild the Temple of Jerusalem and Jerusalem as a Jewish city. 3. Stylistic features of the letter and forms of address to the leadership of the Jewish community. 4. Forms of public communication between the subjects of authorities in the epoch of Julian. As a result, we can assume that this letter is not a forgery but the evidence of the important turn of internal policy of Julian. This turn, however, was as bold and decisive as concise. The death of Julian during the retreat from Persia led to its end.

KEY WORDS: Julian the Apostate, epistolary heritage of Julian, religious policy of the Roman Empire.

SVETLOV Roman V. – DSc in Philosophy, Professor, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University

spatha@mail.ru

Received at October 1, 2016.

Citation: Svetlov, Roman V. (2017), “Julian the Apostate and his letter ‘To Jewish community’”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2017), pp. 131–139

References

- Adler, Michael (1893) “The Emperor Julian and the Jews”, *The Jewish Quarterly Review*, Vol. 5, № 4, pp. 591–651.
- Bacher, W. (1897) “Statements of a contemporary of the emperor Julian on the rebuilding of the Temple”, *Jewish Quarterly Review*, Vol. 10, № 1, pp. 168–172.
- Den Boer, Willem (1962) “Two Letters from the Corpus Iulianeum”, *Vigiliae Christianae*, Vol. 16, № 3/4, pp. 179–197.
- Furman, D. (1970), “Preface to the edition of the Letters of the Emperor Julian”, *Vestnik drevnei istorii*, № 1 (1970), pp. 214–236 (in Russian).
- Gleason, Maud W. (1986) “Festive satire: Julian’s Misopogon and the New Year at Antioch”, *The Journal of Roman Studies*, № 76, pp. 106–119.
- Grayzel, Solomon (1986), “The Jews and Roman Law”, *The Jewish Quarterly Review*, Vol. 59, № 2, pp. 93–117.
- Leipold, Johannes (1964) *Der römische Kaiser Julian in der Religionsgeschichte*, Akademie-Verlag, Berlin (Sitzungsberichte der sächsischen Akademie der Wissenschaften in Leipzig, philologisch-historische Klasse, Vol. 110, H. 1).
- MacCormack, Sabine G. (1981) *Art and Ceremony in Late Antiquity*, University of California Press, Berkeley.
- Van Hoof, Lieve, and Peter Van Nuffelen (2011) “Monarchy and Mass Communication: Antioch A.D. 362/3 Revisited”, *The Journal of Roman Studies*, Vol. 101, pp. 166–184.

Примечание

¹ Уже после написания данной статьи вышла книга [Юлиан 2016]. В ней опубликован перевод Т.Г. Сидаша письма Юлиана “К общению иудейской” [Там же, 573–574](С.), который в ряде моментов отличается от нашего, однако не противоречит общему выводу об аутентичности данного текста.